

Евгений Маляр

Гибель Венеции

Детективная повесть начала XX века

16+

Евгений Маляр

**Гибель «Венеции». Детективная
повесть начала XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Маляр Е. А.

Гибель «Венеции». Детективная повесть начала XX века /
Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Произведение начинает серию «Детективные повести начала XX века». Действие происходит в уездном волжском городе Волгске в 1903 году. Почти одновременно тишину и размеренность провинциальной жизни нарушают два трагических события: пожар в трактире «Венеция» и исчезновение молодого приказчика. Расследование молодого полицейского чиновника Ордынцева приводит к неожиданным результатам. Продолжением станет повесть «Матабели в Одессе». В Южную пальмиру Ордынцева командировывают для расследования череды загадочных зверских убийств.

В оформлении обложки использована историческая фотография (открытка) города Вольска с сайта <https://www.liveinternet.ru/users/4991716/post238044325/>. Автор неизвестен. Город Вольск – прототип Волгска, фигурирующего в повестях.

Список действующих, а иногда и бездействующих лиц:

Ордынцев Николай Арефьевич – титулярный советник, молодой человек в чинах небольших, но подающий надежды.

Тетя Груня – его квартирная хозяйка;

Филиппов Петр Константинович – приказчик;

Филипповы Константин Иванович и Пелагея Петровна – его родители;

Сидор Матвеев – другой приказчик;

Паша Милевский – цыган, исполнитель романсов, – так он представлялся, а как его звали на самом деле, узнать уже не представляется возможным;

Николай Матвеевич Жуков – городской голова;

Дионисий Иванович Ждан-Пушкин, коллежский советник – полицмейстер, начальник Ордынцева;

Тимофей Яковлевич – брандмейстер;

Триандафилов Аркадий Иванович – купец второй гильдии, хозяин крупного торгового дела;

Анастасия – его дочь, очень красива;

Роза Штрамбуль – роковая дама, или, по крайней мере, таковой выглядит, учительница женской гимназии;

Володька Быков – веселый выпивоха лет за тридцать, с хорошей памятью;

Прочие жители уездного города Волгска по состоянию на 1903 год.

I

30 мая 1903 года. Пропавший приказчик

Титулярный советник Ордынцев сидел, упираясь локтем в зеленое сукно канцелярского стола. Кабинет его располагался на первом этаже полицейского управления, и сладкий запах яблонь будоражил, навевая вольнодумство. Хотелось сбежать со службы, помчаться на берег, скинуть опостылевший вицмундир, размашистым бегом рассечь воду, плюхнуться пузом в Волгу, и в туче брызг почувствовать себя мальчишкой лет десяти – двенадцати.

Так нет же, сиди, ломай голову, что там случилось с этим самым приказчиком, Филипповым, «Петром Константиновым сыном, 1877 года рождения, уроженцем города Волгска Саратовской губернии, русским, православного вероисповедания».

История случилась, в самом деле, в духе американского литератора Эдгара По, загадочная и непонятная. Был приказчик, – и нет приказчика. Вечером, в среду, покинул лавку «Колониальные товары» купца второй гильдии Триандофилова, что на Маховой улице, и, по показаниям продавцов, свернул вправо. И все.

Если бы влево – можно было бы подумать, что упал в реку. А вправо – ряд торговых лавок с террасами, из-за которых Маховая напоминает какую-то североамериканскую улицу, «стрит» в провинциальном городке, вроде той, что изображена в журнале «Нива». Детсья там некуда.

Так вот, не пришел он домой, родители прождали до утра, и пришли в полицейский участок, а оттуда рапорт направили ему, Ордынцеву, для проведения следственных действий. А какие могут быть действия? Опросил всех, кто мог что-либо знать, – кто-то видал Петьку из окна, с кем-то он поздоровался, а потом следы терялись...

А доложить надо, что да как, а то влетит от начальства под первое число. В Волгске, уездном городе, давно ничего загадочного и непонятного не происходило, служба титулярного советника текла лениво и беспечно, и – вот тебе, бабушка, Юрьев день!

Сам городок был интересным, последнее десятилетие переживал стремительное развитие, связанное со строительным бумом, охватившим империю: дымили трубами круглые сутки два больших цементных завода: бывшего немецкого колониста, а нынче Саратовского купца Д.Б.Зейферта и «СПб. Глухоозерского акционерного товарищества по производству портланд-цемента», шумели мельницы, прокладывались новые ветки железной дороги, пристани и дебаркадеры день и ночь отгружали товары, садили-высаживали пассажиров, сновали пароходы, плеща колесами. Бывший австрийский подданный Вормс открыл пивоваренный завод. Работники из других губерний охотно переезжали в этот благодатный край, где рыбы водилось столько, что если она была менее аршина, то ею, вяленой, топили печки. Людей новых было много, но все они, как на подбор, были законопослушными. Тем удивительнее было все необычное.

Просидев до конца дня с этими грустными размышлениями над чистым листом бумаги, и так и не придумав, что на нем написать, Ордынцев аккуратно убрал свой стол, запер ящики на ключик, и покинул управу. Пройдя по Маховой, он еще раз осмотрел окрестности «Колониальных товаров», прошел предполагаемым маршрутом Филиппова до того места, где его видели последний раз, до центральной площади, застроенной знаменитым итальянским архитектором по заказу мецената, купца Злобина, полюбовался колоннадой Гостиного двора, достаточно величественной, хоть и не такой как в Санкт-Петербурге (оно и понятно – все в пропорции), и направился к своей квартире.

Гулять ему уже не хотелось, он прошел по Московской, лелея призрачную надежду, что встретится ему этот загулявший где-то Петька Филиппов, и все решится само собой.

Как и следовало ожидать, надежды оказались тщетными, домой титулярный советник пришел в скверном настроении, наспех поужинал тем, что предложила квартирная хозяйка тетя Груня, а именно – отварной телятиной, хлебом и помидорами, прилег на кушетку почитать «Губернские ведомости», да так и заснул тяжелым сном еще засветло. Как показали дальнейшие события, поступил он правильно, выспаться заранее ему было просто необходимо, хотя об этом Ордынцев еще не знал.

II

31 мая 1903 года. Пожар

Ровно в два пополуночи раздался громовой стук в дверь его комнаты, и зычный бас городского Бурцева возвестил:

– Венеция горит, господин титулярный советник!

Тут надо уточнить: горел не итальянский город Венеция, который, как всем известно из упомянутого уже журнала «Нива», стоит на воде, и тушить его было бы, очевидно, нехитрым делом, а монополька «Венеция», что на Рыночной улице, за базаром. Венецианского в том кабаке только и было, что два белых лебедя, нарисованных на вывеске, да и то весьма сомнительно, что птицы эти обретались в Италии – мало ли где еще они водятся.

А так – бревенчатый сруб, окна маленькие, вечно накурено – дым коромыслом, а знаменито заведение музыкой, тоже не итальянской. Каждый день играл и пел в нем цыган Паша Милевский, так он представлялся гостям. Игра его на гитаре была виртуозной, а пение отличалось душевностью.

Исполнялись цыганские и русские народные песни. Не было вечера, чтобы подгулявшие посетители не просили его несколько раз спеть «Ту балвал», «Сено ворошил», «Ах, зачем эта ночь» или «Сухой бы корочкой питалась...». Детишки толпились на деревянном тротуаре, а прохожие замедляли шаг, заслышав зычный Пашин баритон.

Милевский отбил от проходившего табора лет пять назад, пришел к хозяину «Венеции» татарину Бамуту и предложил свои услуги музыканта. Кабатчик денег ему не платил, только кормил. Паша жил тем, что давали ему посетители, впрочем, ему хватало, а монополька

щик быстро смекнул, какая удача ему привалила: на цыгана ходили, как на концерт, и пили, расчувствовавшись, немерено. Пашу даже хотели переманить конкуренты, но тот был верен человеку, давшему ему кров и пищу в тяжкую годину.

Быстро натянув на себя мундир, Коля Ордынцев (мы уж так его будем величать – он еще молодой человек, двадцать три года, а Николаем Арефьевичем предоставим его звать начальству и просителям), стремглав помчался вслед за городовым в сторону рынка, где стоял уже сильный запах горелого добра.

– Здравия желаю, Тимофей Яковлевич! Ну что тут? – спросил он, запыхавшись от бега, у пожилого брандмейстера, руководящего тушением пожара.

– Да что... Не пустили мы огонь дальше, а здесь все погорело. Смотрите-ка Николай, тут по вашей части. Очаг пожара – снаружи. Это точно, вот, с того угла началось, а может, с другого. Выйти никто не смог, так и нашли всех у дверей, ломились, ан не вышло. Окна чай, узкие, а дверь, очевидно, задраили снаружи, пес его знает как, да только ясно мне, – злодейство это. Сгоревших – семь человек, там и Паша, и Бамут, и еще люди, да их и узнать-то непросто. Вот неладное дело какое!

Пока Ордынцев протоколировал происшествие, подъехало начальство, полицейское и городское. Небрежно козырнув, полицмейстер, коллежский советник Дионисий Иванович Ждан-Пушкин мрачно осматрел тлеющие угли.

Городской голова Николай Матвеевич Жуков не менее угрюмо посматривал на Иванова. Думал он думы горькие, что вот мол, давно в Саратове хотят от него избавиться, а тут уже второе нехорошее происшествие за четыре дня, и теперь уж спросят – а куда ты смотришь, а, городской ты голова? И никому нет дела, что не может городничий всегда и везде все видеть, где какой кабак загорится, а где приказчик загуляет. Им только оказию дай – и полетит головушка буйная в бурьяны пыльные придорожные. Должность-то выборная, конечно, но так уж повелось, что дружить с губернатором нужно, необходимо просто, иначе не усядишь долго. А не хочется в отставку, ой, не хочется!

Подозвав пальчиком к себе поближе Ждан-Пушкина, он мрачно зашипел на ухо ему нечто такое, отчего лицо последнего приобрело еще большую озабоченность. Вроде и не подчиняется полицмейстер городскому голове, а тоже ладить надо... Поманил тот мизинчиком к себе Ордынцева, и тоже стал ему нашептывать. Каким-то внутренним чутьем Ждан-Пушкин понял, что другим, не таким, как городничий с ним, тоном надлежит разговаривать ему с подчиненным.

– Ты, голубчик, Коленька, не подведи уж, меня, старого. Давай, утречком сядем, потолкуем, что тут делать. Два у нас казуса вышло, так давай-ка хоть один разгребем с тобой, ты ученый, прогрессивный, в столицах бывал, не то, что мы тут, в медвежьем краю.

– Так точно, господин коллежский советник! А ложиться спать я уже не буду, – Коля ткнул пальцем в сторону Волги, где уже занимался бледно-розовый рассвет.

– Вот и молодца! А я все-таки пойду, по-стариковски подремлю часик-другой. Ты давай, пока один покумекай! А я приду, и вместе еще подумаем.

– Есть, господин коллежский советник! – браво ответил Ордынцев, еще не ведая, удастся ли ему утешить старика своими логическими построениями. Конечно, хотелось бы. Если полетят головы, то и ему несдобровать, хотя, по правде, ему терять особенно нечего, не то, что господам Жукову и Ждан-Пушкину.

То, что произошло утром, картину запутало еще более. Приехали из Рыбного двое мужиков, и привезли утопленника, прибывшегося к берегу. На ноге – обрывок веревки, остатки одежды довольно безликие.

Рыбнинские требовали компенсации своих издержек на перевоз тела, подробно и со смаком описывая, какие неудобства испытали, проделав путь с таким ужасным грузом, впрочем,

вопрос решили довольно быстро, и рыбаки удалились, чтобы частично пропить полученные деньги.

Пропавшим числился только Филиппов – послали за его родителями. То, что произошло далее, было настолько кошмарным, что сознание Ордынцева просто отказывалось воспринимать события: на него нашло какое-то отупение, видимо, как защитная реакция психики.

Старики рыдали взахлеб, узнав в утопленнике сына, и ничто не могло ни утешить, ни хотя бы умерить их скорбь. Сам Коля не испытал еще по младости лет больших горестей, но его глубоко тронули переживания пожилых родителей, потерявших свою опору в старости, и вообще весь смысл своих жизней. Не в силах более слышать их плача, он вышел из помещения морга.

Ему еще предстояла неприятная обязанность объяснять Филипповым необходимость медицинского вскрытия тела их сына. Однако на удивление старики согласились сразу, и более того, сказали, что сына, скорее всего, убили, и они желают, чтобы злодей непременно понес наказание.

Может, хоть эта мысль поддержит их, подумал Николай, и, пользуясь моментом, как бы между прочим, спросил Константина Ивановича, не подозревает ли он кого-то конкретно. Отец покойного стушевался вначале, а затем, с какой-то безнадежной решимостью произнес: «Его рук это дело, злодея. Триандофилов, паук, сыночка нашего сгубил!»

От дальнейших комментариев, однако, воздержался, и вообще говорить перестал, вновь предавшись своему горю.

Из морга городской больницы, выстроенной, кстати, тем же Злобиным, титулярный советник отправился в управление, и, к своему удивлению, застал там самого полицмейстера. Вытянувшись в струнку, он доложил:

– Господин коллежский советник! Статский советник Ордынцев прибыл из городского морга, где производил опознание трупа!

– Коленька, давай без церемоний, называй меня просто Дионисием Ивановичем, мы сейчас с тобою будем о серьезных делах говорить. Так что, давай-ка простыми словами и поподробнее, что видел, что слышал, что говорят и прочее...

– Госпо... простите, Дионисий Иванович, даже не знаю, с чего начать. Утопленник – искомый нами приказчик Филиппов. Так что не исчез он, и не испарился. На первый вопрос мы ответ с Вами получили, но вот как он в Волге оказался? Ну да ладно, мы отложим это дело на потом.

– Ты давай, по науке, чему там вас в университетах учат, покажи, как ты соображать умеешь. А уж я в долгу не останусь, верь Коля мне, я человек слова.

– Так вот, Дионисий Иванович, о «Венеции». Установили следующее: смертоубийство содеяно умышленно, погибли семь человек, среди них:

- Бамут, хозяин питейного заведения, татарин;
- Паша Милевский, цыган;
- Кипрей, грузчик с пристани, в городе недавно, и о нем известно мало;
- Сидор Матвеев, приказчик;
- Джамал, молодой помощник хозяина и его соплеменник;
- Проня, пожилая кухарка;
- Федор Солдатов, рабочий с завода Зейферта.

Личности установлены по списку людей, не явившихся домой в течение суток с высокой степенью достоверности. Согласитесь со мной, Дионисий Иванович, что для того, чтобы так зверски умертвить стольких людей, требуется весомая причина. Кто-то очень осерчал на кого-то из погибших, а может, и не на одного. Вот и рассмотрим весь список.

Итак, кто мог быть зол на Бамута? Разве что кто-то из обиженных им пьяниц – он порой отказывался наливать им вино в долг.

Однако, люди это крайне ничтожные, на такое злодейство вряд ли способные. И все же, исключать такую возможность полностью я бы не стал.

Теперь Паша, цыган. Никто в городе вроде бы не желал ему худого, врагов он не имел, приятелей же, напротив, было множество. Однако следует, мне кажется, учитывать возможные последствия несколько излишнего внимания к нему со стороны некоторых экзальтированных поклонниц. Не месть ли это обманутого супруга? Такая версия имеет право на существование. И еще, не цыгане ли убили своего бывшего собрата за отказ от кочевой жизни? Недавно здесь опять проходил табор...

– Да, Коленька, нравится мне Ваша хватка. И эта вот версия, с цыганами, она могла бы устроить всех, и виновные наказаны бы были, и вообще...

– Я, Андрей Моисеевич, осмелюсь Вам смиренно напомнить, что это – только версия. Пока нет никаких признаков, что к делу причастны цыгане.

– Да, да, Коля, продолжай, ты рассуждаешь здраво, а меня, старика не слушай. Давай, давай.

– Извините, я продолжаю. Про Сидора Матвеева я пока сведений не собрал, у меня не хватило на это времени, но я...

– Ничего, ничего Коля, я понимаю, ты же не вездесущ.

– Зато, что касается трех последних фигурантов – то я установил точно – публика крайне безобидная.

Кипрей, по словам других грузчиков, в «Венеции» был впервые, забрел туда видимо случайно, а человеком был беззлобным, мухи не обидит.

Джамал вообще по-русски почти не говорил и в город не выходил, кухарка страдала слабоумием, Федор же был тихим пьяницей, и, кроме водки интересовался лишь цыганскими душещипательными романсами, зачем и ходил в злополучный кабак.

Теперь о планах: нынче я хотел бы узнать, где работал приказчиком Матвеев, а также установить, кто еще был в «Венеции» и успел уйти до пожара. Если мои усилия увенчаются успехом, то означенные лица будут мною допрошены на предмет установления возможных конфликтных ситуаций, а также определения того, не является ли кто из них поджигателем.

– Ну, Коленька, ты меня не разочаровал. Умница, светлая голова! Запиши-ка все это в рапорте на мое имя, особенно про цыганскую версию. Уж я тебе продвижение-то выхлопочу! Уж я... – с этими словами полицмейстер вышел из-за стола, пожал Ордынцеву руку, и, видимо довольный, удалился, а Николай сел писать рапорт.

От этого почтенного занятия отвлек его мальчишка – посыльный, притащивший пакет из анатомички. В медицинском заключении о смерти Филиппова содержались сведения, озадачившие титулярного советника.

В воду приказчик попал уже мертвым: в легких вода не обнаружена. Но еще более странным было то, что никаких прижизненных ранений покойный не получил. То есть вообще никаких, не то, что могущих повлечь смерть. Опять же, все органы – в порядке, ни тебе разложения печени, или там сердечных хворей. И ядов никаких не выявлено. Здоров как бык, только мертвый. Отчего он умер? Если его убили, то как?

В бесплодных раздумьях над этими вопросами прошел весь оставшийся день. Что ж, утро вечера мудренее, подумал Коля, и пошел домой. Только засыпая, вспомнил, что ничего не ел с прошлого вечера, но вставать не было уж сил.

III

2 мая 1903 года. Купец Триандафилов

Утром, придя на службу, Николай опять был удивлен. На этот раз ждал его еще один человек, который при других обстоятельствах даже не удостоил его бы и кивка головой, а теперь – нате вам, явился, – купец Триандафилов Аркадий Иванович, собственной персоной, при этом

чем-то очень озабоченный. По версии отца погибшего (убитого?) Филиппова – злодей. Однако никакими доказательствами это предположение не подкреплено.

– Здравствуйте, Николай Арефьевич – зычно и приветливо произнес гость, крепкий, жилистый мужчина лет пятидесяти, с бородой, одетый по купеческому обыкновению в тройку хорошего сукна, при золотых часах на массивной золотой же цепочке.

– Здравствуйте, Аркадий Иванович, – почтительно ответил титулярный советник, поклонившись, – Чему обязан высокой чести видеть Вас?

– А беда у меня! – было видно, что купец воспринял слова о высокой чести, как должное, – оба приказчика из «Колониальных товаров» сгинули. Одного давеча в Рыбном сыскали, а другой нынче на службу не явился. Вот, думаю, не сгорел ли он в «Венеции»? Весь город гудит об этом пожаре.

– А как фамилия этого второго? – с надеждой в голосе спросил Николай.

– А Матвеев, Сидором звать. Так, конечно, стервец, да товар знает хорошо. Он в лавке после покойного Петьки второй человек. Вот Петенька, царствие ему небесное, тот правильный парнишка был, и знающий, и, главное, честный. А Сидор-то под его присмотром, да со своей памятью... Вот так в паре они у меня и управлялись, ежели кто хворал, то подменяли друг дружку, но это редко. Здоровые они, как кони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.